

Залесская Ольга Владимировна
декан международного факультета
Благовещенский государственный
педагогический университет
olgazallesskaya@gmail.com

ФАКТОР КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА КАК КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируется фактор китайской миграции в процессе формирования дальневосточного фронта в XIX – начале XXI вв., освещается возникновение контактной зоны российско-китайского межцивилизационного взаимодействия на Дальнем Востоке. Показано значение китайской миграции для формирования характерных черт дальневосточного фронта.

Ключевые слова: китайская миграция, дальневосточный фронт, российско-китайские отношения, российско-китайское межцивилизационное взаимодействие.

Многообразие цивилизаций и их непохожесть друг на друга являются серьезным препятствием к их успешному взаимодействию. Однако между различными социокультурными системами нередко существует специфическая промежуточная зона, вбирающая в себя определенные компоненты каждой системы. На Дальнем Востоке такая контактная зона располагается на приграничных территориях двух соседствующих стран – России и Китая и может быть определена как дальневосточный фронт, значимость и важность которого, особенно на рубеже столетий, нуждается в скрупулезном изучении, осмыслении и обобщении. Полагаем, что одним из наиболее явных маркеров формирования дальневосточного фронта и проявления его характеристик является процесс приграничного российско-китайского межцивилизационного взаимодействия.

Понятие «фронт» было впервые введено в научный оборот американским историком Фредериком Тернером (Frederick Turner, 1861–1932), выдвинувшим в 80-е гг. XIX в т.н. «теорию границы» (Frontier Thesis). Понятие «фронт», стало постепенно приобретать более широкое историческое, геополитическое и культурологическое значение. Сегодня понятие «фронт» применяется для характеристики зоны соприкосновения стран, народов и культур, понимается как

переходная пограничная зона, в которой происходит взаимодействие между двумя или более различными культурами или политическими структурами. В отличие от разделяющей линейной границы фронтир понимается в первую очередь как соединяющая переходная зона взаимодействия двух или более культур и/или политических структур [Рибер 2004: 199]. Это всегда очень динамичная, изменчивая зона, важнейший признак которой — состояние неустойчивого равновесия, в том числе и по причине военно-политической нестабильности. Таким образом, государственное устройство и политические режимы в пределах фронта оказывают самое непосредственное влияние на его сущность и характеристики.

Исторический процесс российско-китайского приграничного взаимодействия на Дальнем Востоке зарождается во второй половине XIX века, когда после подписания Айгуньского и Пекинского договоров начинается активное заселение территорий юга российского Дальнего Востока переселенцами из западных регионов России. Нехватка рабочих рук обусловила привлечение рабочей силы из географически близкого Китая. В силу особенностей своего геополитического положения Дальний Восток России оказался притягателен для китайских мигрантов, стал третьим по привлекательности для них регионом в мире (после Юго-Восточной Азии и Америки). В процессе сельскохозяйственного, промышленного и транспортного освоения приграничных территорий обеих стран началось сближение двух цивилизаций. На геополитическом пространстве Дальнего Востока начался процесс российско-китайского межцивилизационного взаимодействия. Одновременно с этим формируется крупнейшая контактная зона этого взаимодействия, где непрерывно происходят контакты между обладателями различных этнопсихологических особенностей, — дальневосточный фронтир. Одним из факторов его формирования становится китайская миграция.

Исходя из рода занятий и степени оседлости, китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в конце XIX в. можно классифицировать по следующим группам: 1) «зазейские маньчжуры»; 2) торговцы; 3) кустари и ремесленники; 4) рабочие (приисковые рабочие, в том числе); 5) земледельцы; 6) промысловики, контрабандисты, хунхузы. Китайцы-арендаторы земель в Приамурье и Приморье способствовали дальнейшей земледельческой колонизации региона, крупные и мелкие торговцы снабжали Дальний Восток необходимыми товарами. С помощью дешевого труда китайских рабочих велось строительство городов, дорог, разработка приисков в дальневосточном крае. Если в 1858-1860 гг. на территории Амурской и Приморской областей находилось около 6300 осед-

лых и 2-3 тыс. бродячих китайцев (не считая «зазейских маньчжур»), то к 1881 г. их количество достигло 15 тыс. с лишним [Соловьев 1989: 38].

Наряду с положительными моментами, китайский миграционный поток привнес ряд проблем, вызывавших серьезное беспокойство у местной русской администрации. Дешевый труд китайских рабочих и земледельцев замедлял процесс колонизации Приамурья русскими. Китайская торговля составляла серьезную конкуренцию русской торговле. Значительное влияние на социально-экономические характеристики складывавшегося дальневосточного фронта оказывали криминогенные факторы, связанные с присутствием китайских мигрантов – контрабанда, хунхузничество, возделывание опийного мака и опиекурение, проституция. Массовое расселение китайцев на российском Дальнем Востоке, поощряемое цинским правительством, а затем правительством Китайской Республики, вызывало у русской администрации и общественности опасения о возможной «желтой» опасности. Во время Первой мировой войны зависимость от китайского труда усилилась. Осенью 1916 г. только чанчуньской фирмой «Ичэн» было направлено в Россию на лесозаготовки 20 тыс. китайских чернорабочих [Ли Цзягу 1996, с.6].

В годы революционных преобразований маятниковая миграция и китайские миграционные потоки на территорию российского Дальнего Востока продолжались. Функционировали торговые и мелкие ремесленные китайские предприятия, создавались совместные русско-китайские фирмы, что было необходимым в тяжелейших экономических условиях, в ситуации фактической изолированности дальневосточного рынка от рынков центральной России. Продолжалась вербовка китайской рабочей силы на российский Дальний Восток – только в июле 1919 г. в Харбине, Чанчуне и Сыпине было завербовано и отправлено в Россию 4 тыс. китайцев [Ли Юнчан 1987: 94].

В 1917–1922 гг. сменявшие друг друга властные органы имели свои подходы в регулировании отношений с китайским населением. В Амурской трудовой социалистической республике китайские мигранты были уравнены в правах с русскими. В годы Дальневосточной Республики (ДВР) китайцам фактически было предоставлено право на культурно-национальную автономию, закрепленное в ст.113,121 Конституции Республики.

Значительное количество китайских трудящихся приветствовало Октябрьскую революцию и приняло активное участие в гражданской войне. Всего в Красной Армии в годы гражданской войны насчитывалось 30-40 тыс. китайцев. Китайцы сражались в составе красногвардейских формирований Гродековского, Уссурийского, Даурского и др. фронтов, участвовали в ликвидации «читинской пробки», в освобожде-

нии Приморья. Известны имена руководителей китайских вооруженных формирований – Чэнь Бочуаня, Сунь Цзиу, Ван Инзуна, Сань Ху, Ян Дэхая, Ли По, А. Сунфу, Шэн Чэнхо и др. Участие китайцев в гражданской войне стало еще одним значимым фактором в формировании дальневосточного фронта. Китайцы оказались «по обе стороны баррикады»: поддержав интервенцию Антанты, правительство Китая направило войска на территории Дальнего Востока и Забайкалья.

При наблюдавшемся товарном голоде китайские предприниматели выступали в качестве посредников в торгово-экономических отношениях ДВР и Китая. Так, дрова из Забайкалья в Маньчжурию китайские агенты направляли в обмен на продуктовые и промышленные товары. В Амурскую область доставка пшеницы, муки и промышленных товаров из Харбина осуществлялась при широкой поддержке китайских торговцев. Приграничная торговля и сопутствующая ей контрабанда были способами выживания в существующих экономических и политических условиях, и, вместе с тем, сильными связующими звеньями во взаимоотношениях народов двух стран в контактной приграничной зоне.

За 80-летний период (1858–1938 гг.) поле междивизиационного взаимодействия между китайским и русским населением расширялось, формы экономического и культурного соприкосновения становились все более разнообразными. В силу цивилизационных особенностей китайцы не стремились ассимилироваться в российском обществе, однако активно участвовали в социально-экономических процессах на территории российского Дальнего Востока. Деятельность китайских мигрантов стала одним из определяющих факторов развития дальневосточного фронта, важнейшим аспектом развития российско-китайского взаимодействия на междивизиационном уровне. Их деятельность одновременно являлась субъектом (обуславливала необходимость корректировки курса экономического развития в крае) и объектом (регулировалась, в той или иной степени, сменявшимися друг друга властными режимами) внутренней и внешней политики властных органов российского Дальнего Востока.

Особым периодом следует признать 1923–1938 годы. С присоединением российского Дальнего Востока к РСФСР происходят значимые перемены в правовом положении китайского населения. Китайские мигранты были включены в категорию «национальные меньшинства» с присвоением им соответствующих прав нацменьшинств в советском государстве, что означало абсолютное изменение их социального положения в российском обществе. В то же время, сохранялся их правовой статус иностранцев. Китайское население вовлекается в социалистическое строительство и происходящие трансформационные

процессы на Дальнем Востоке. Пристальное внимание со стороны региональных органов различных уровней уделялось разработке и осуществлению форм и методов культурно-просветительной работы и образованию китайских трудящихся. Были достигнуты определенные результаты – в крае была развернута сеть пунктов по ликвидации неграмотности среди китайских трудящихся, открыты клубы, организовывались партийно-просветительные курсы, создавались библиотеки для китайских рабочих. Было организовано издание газет на китайском языке, развернуто распространение латинизированного алфавита среди китайских трудящихся. Для детей открывались китайские школы, для взрослых – рабфаки, отделения при высших учебных заведениях. К 1 января 1932 г. во всех учебных заведениях края обучалось всего 809 китайцев и 3828 детей китайских мигрантов. Проводилась и внешкольная работа с китайскими детьми – организовывались детские площадки и создавались пионерские отряды. Уникальным опытом явилось функционирование Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы, образованной 1 марта 1933 г. [Залесская 2009: 143–168].

Китайские трудящиеся вовлекались в профсоюзное, кооперативное и стахановское движение. В 1931 г. из 50 тыс. китайских рабочих края было зарегистрировано 6300 чел. – членов профсоюзов (12,6%), а также около 3 тыс. китайских мигрантов, занятых в кустарной промышленности [Залесская 2009: 190]. Китайские трудящиеся занимались ремесленным производством и кустарничеством. При функционировании государственных и частных предприятий сохранялась потребность в китайской рабочей силе.

В категорию «китайские трудящиеся» на советском Дальнем Востоке входили и китайские колхозники – в 1930-е гг. китайские мигранты в сельской местности, находясь на территории советского государства и подчиняясь его законам, объединялись и вступали в колхозы. В 1932 г. в крае насчитывалось 13 китайских колхозов, в которых были объединены около 3 тыс. китайцев. Центральные и региональные советские властные органы предоставили китайским колхозам равные права с русскими коллективными хозяйствами. Признавая выработанные годами китайские приемы обработки земли, за китайскими колхозами была негласно закреплена прерогатива выращивания овощей. Были предприняты меры стимулирования китайцев к разведению традиционных восточных культур [Залесская 2009: 274–275].

Уникальным и, вместе с тем, закономерным явлением в общем процессе развития дальневосточной региональной культуры стало создание и достаточно длительное функционирование китайских театров на

советском Дальнем Востоке. Наиболее плодотворной была деятельность китайского театра во Владивостоке. 19 марта 1931 г. при Владивостокском китайском театре был создан единственный в СССР китайский театр рабочей молодежи (ТРАМ).

Следует отметить, что исторический период второй половины XIX – первой трети XX вв. характеризуется глубокими общественно-политическими трансформациями в российском дальневосточном регионе; в развитии российского общества сменяется несколько этапов: период капитализма, революционных преобразований и строительства социализма. Происходит стремительное формирование и структурирование дальневосточного территориального паттерна, и одним из его заметных историко-географических образов была китайская миграция. Китайскую миграцию на Дальнем Востоке России в означенный период следует рассматривать как многоаспектное явление в истории российско-китайских отношений и истории дальневосточного региона. Это был важнейший составляющий элемент дальневосточного общества, который до начала масштабных репрессий в отношении китайских граждан оказывал влияние на социально-экономическую обстановку в дальневосточном регионе и одновременно являлся объектом политики властных органов.

Функционирование дальневосточного фронта было достаточно стабильным вплоть до 1938 года. Обострение в середине 1930-х гг. международной обстановки вынуждает советское руководство выбрать приоритетным направлением обеспечение безопасности региона. Китайские мигранты были подвергнуты репрессиям, в правовом отношении они были лишены статуса «национальное меньшинство» и более не играли какой-либо заметной роли в социально-экономических процессах на советском Дальнем Востоке. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в регионе осталось не более 5,5 тысяч китайских мигрантов. После масштабной депортации китайских граждан и закрытия границ, дальневосточный фронт лишается на полувековой период одного из основных факторов: контактная зона российско-китайского взаимодействия фактически прекращает свое существование.

Ее возрождение происходит в конце 1980-х гг., с нормализацией советско-китайских отношений и открытием границ между двумя странами, обусловившими возобновление китайских миграционных потоков на российскую территорию и, как и полвека назад, маятниковой миграции. Межправительственное соглашение между Россией и КНР «О принципах направления и приема граждан на предприятиях, объединениях и организациях России», а также соглашение «О безвизовом групповом туристическом обмене», подписанные в 1992 г., упростили

пересечение границы и привели к резкому увеличению численности китайских мигрантов на Дальнем Востоке. Это привело к активному муссированию в ряде дальневосточных СМИ тезиса о «желтой опасности», не имеющему под собой, однако, никаких оснований. В 1992–1993 гг. размеры китайского присутствия на российском Дальнем Востоке не превышали 50–80 тыс. чел., включая примерно 10–15 тыс. трудовых мигрантов по контрактам и 10–12 тыс. чел., приехавших в регион на учебу более чем на один год [Ларин 2005: 283].

Возрождение контактной зоны дальневосточного фронта шло стремительными темпами, что было обусловлено накопленным историческим опытом взаимодействия населения двух стран. Российское население Дальнего Востока было готово вновь, как и в период второй половины XIX – первой трети XX вв., научиться жить в этой контактной зоне, в контрастной этнокультурной среде. Как и в конце XIX века, дальневосточная экономика по-прежнему нуждалась в китайских товарах и рабочей силе. На рубеже XX–XXI вв. на юге Дальнего Востока постоянно находились 30–35 тыс. китайцев. Благодаря возродившемуся китайскому миграционному потоку, в дальневосточном фронтире очень быстро сложился сегмент китайского населения, ориентированный на Россию, и сегмент русского населения, для которого присутствие китайцев в России является источником существования [Ларин 2006: 396, 402]. В начале XXI в. китайская миграция окончательно становится одним из факторов социально-экономической жизни дальневосточного региона России. Китайские мигранты как структура устойчиво «вросли» в существующую систему трансграничных предпринимателей, сферами деятельности которых являются: торговля, общественное питание, строительство и ремонтные работы, сельское хозяйство, добыча ресурсов, посреднические услуги и т.п. Однако существенное отличие российско-китайских контактов сегодняшнего времени от взаимодействия России и Китая в XIX – первой трети XX века заключается в том, что Китай ныне является уже не полуколониальной отсталой страной, а, напротив, обнаруживает поразительные экономические успехи, беспрецедентными темпами развивает технологии и производство. Геополитический сосед России на Дальнем Востоке непрестанно идет вперед, обгоняя Россию и органично встраиваясь в стремительно трансформирующееся мировое сообщество, охваченное глобальными процессами.

В начале XXI века в дальневосточном фронтире наблюдаются тенденции к формированию транснационального рынка и трансграничного пространства. Историко-географическое пространство фронта оформилось в устойчивую структуру в системе российско-китайских отношений, структуру, которая испытывает как воздействие внешних факто-

ров, так и оказывает влияние на целостность и равновесность/неравновесность других структур системы. Контактная зона дальневосточного фронта, которая зародилась в XIX веке, затем была разрушена силовыми методами в первой половине XX века и возродилась вновь в конце XX века уже в совершенно другом социокультурном пространстве, в XXI веке стала объективной ценностью для народов приграничных территорий двух стран. Она обеспечила симбиоз геополитически соседствующих этносов двух держав – России и Китая.

Библиографический список

Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 380 с.

Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.

Ли Цзягу. Китайско-советские отношения (1917-1926). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 1996. 317 с. – Кит.

Ли Юнчан. Китайские рабочие в России накануне Октябрьской революции // Шицзе лиши. 1987. №5. С. 93-102. – Кит.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199-222.

Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 – 1917 гг.). М.: Наука, 1989. 127 с.

O.V. Zalesskaya,

Dean of the International Faculty

Blagoveschensk State Pedagogical University

FACTOR OF CHINESE MIGRATION IN FORMING THE FAR EASTERN FRONTIER AS A CONTACT AREA OF THE RUSSIAN-CHINESE INTER-CIVILIZATION INTERACTION

The factor of Chinese migration during the formation of the Far Eastern frontier in the 19th – early 21st centuries has been analyzed in the article. The development of the contact zone of Russian-Chinese inter-civilizational interaction in the Far East is considered. The importance of Chinese migration for the Far Eastern frontier characteristic features' formation has been shown.

Key words: Chinese migration, the Far Eastern frontier, Russian-Chinese relations, Russian-Chinese inter-civilization interaction.